

Слово Митрополита Антония (Блум), Сурожского (+2003г.) в неделю 5-ю по Пятидесятнице

Исцеление гергесинских бесноватых (Мф. 8, 28-9, 1)

"*Уйди*, уйди от нас, уйди из наших пределов!" - говорил народ, который предпочел то, что ему было дорого: богатство, стада, невзволнованность жизни здравую, исцелению человека; *уйди* - Ты у нас отнимаешь то, что нам дороже человека... *Уйди* от нас, - говорил Великий Инквизитор, - Ты нам мешаешь строить земное добро, мешаешь обеспечить счастьем безмолвное, безответственное стадо; *уйди!* Ты им открываешь пути, по которым им слишком трудно будет идти... *Уйди* от нас! - говорили вожди еврейского народа перед лицом Пилата - а раз Ты Сам не уходишь, пусть сила земная, грубая сила нас от Тебя избавит... И к Пилату обращались со словами: *Распни, распни* Его, - чтобы не звучала больше на наших улицах эта страшная проповедь о безусловной, крестной любви, это безумие о кротости и смирении, самоотречении, любви, отдающей все; потому что ничего нет более ценного, нежели человек...

И через всю историю звучит этот крик: *Уйди!* Ты стоишь на нашем пути к благополучию, к беспечности, к забвению... Это говорит через всю историю человеческий род. А мы? Неужели мы единственные, с небольшой горсточкой учеников, этого страшного слова, прямо или косвенно, никогда не говорим и никогда не сказали? Вспомним притчу Христову об овцах и козлицах: разве не приходил к нам человек в нужде, и разве мы не говорили ему "Уйди!?" Человеку нечего было надеть, но мы ему отвечали: Поношенного у меня ничего не осталось, а нового, хорошего, я тебе, *конечно*, отдать не могу - *уйди!*.. Не подходил ли к нам нищий на дороге, и не отвечали ли мы ему, держа в сумке купленную еду: Я истратился, не могу тебе дать ничего... Из сумки мы ничего не вынули, из кошелька ничего не дали; сказали: *Уйди*... Или просто, что, может быть, еще страшнее, нарочно его не увидели, прошли мимо, скользнули взором, так что он знал, что мы его видели, но что он для нас *не существует*; из бытия прогнали его в небытие... Бывает, что и вор, и преступник постучится в нашу дверь: я прямо из тюрьмы, мне нужно немножко денег, мне надо одеться, чтобы найти работу... И сколько раз такой человек слышал от мнимого верующего: С такими, как ты, я не общаюсь, - *уйди!*.. Сколько раз бывало, что надо было в больнице посетить больного - но нет! - там можно заразиться, туда лучше не идти! Пусть он идет своим путем - а с моей дороги *уйдет!*..

Так было когда-то, когда в декабрьскую ночь пожилой мужчина, который вез с собой молодую беременную Мать, стучался во все двери вифлеемские; ни одна дверь не открылась: у нас тихо, у нас тепло, мы собрались семьей - чужой нам не нужен; ищи другого пристанища, уйди в ту пещеру, в загон, где бедняки держат своего вола, осла: от нас *уйди!*..

Сколько раз бывало в жизни каждого - в моей и вашей, - что человек с горем приходил, когда у нас на душе была весна, и ему говорилось: Уйди, не отравляй нашу радость! В нашем доме брак, в нашем доме именины, в нашем доме ликование - не омрачай этой радости: так мало ее бывает!.. А бывает, что человек придет в дом горя, и ему скажут: Уйди! У нас темно, и у нас горя вдоволь - не прибавляй, чаша полна, через край переливается - уходи от нас!..

И так можно было бы образов, примеров дать без конца, не из чужой жизни - из своей, *из моей*, из вашей... И так поступили со Христом; а Спаситель не сказал ли нам: Что вы сделали одному из малых сих, вы сделали Мне?.. Значит, мы Ему говорили: *Уйди!* Ты нас лишаешь того, что нам дороже Твоего присутствия и тех, кого Ты так возлюбил, что Ты за них отдал Свою жизнь, Свою страшную Гефсиманскую ночь, Свое телесное распятие, оставленность Богом на кресте; все это мне нипочем: *Ты их так любишь* - не я...

Мы не говорили: "Распни, распни Его", но разве, когда человек умирает от голода, когда человек истосковался в одиночестве, когда он брошен, когда ему места нет среди людей, как Христу не оказалось места даже умереть в граде Иерусалиме, - разве это не прикованность ко кресту, не распятость, не смерть оставленности, медленная, порой горькая смерть, когда раньше тела умрет вера в человека и вера в Бога, умрет и погаснет надежда, потускнеет и умрет любовь...

Вот о чем говорит эта такая привычная нам притча; весь этот рассказ ведет к тому, что сказано было Христу в момент, когда Он явил Свое сострадание, и милосердие, и любовь, и Божественную силу: Уйди, Ты у нас отнимаешь земное, а небесного нам *не нужно*... Вспомним слово Спасителя и опомнимся: Ищите прежде Царствия Божия - и все приложится; и *именно* приложится: не отнимется, но найдет свое место там, где небо на земле, и будет тогда полнота. Аминь.

19 июля 1981 г.

Слово Святого Праведного Алексия Мечева, Пресвитера Московского (+1923г.) в неделю 5-ю по Пятидесятнице

ДУХОВНОЕ ПОМРАЧЕНИЕ

В чтении ныне Евангелии рассказывается об исцелении двух бесноватых, живших на городском кладбище и до того свирепых, что никто не смел проходить вблизи их. *Этим исцелением человеколюбивый Иисус оказал благодеяние как самим бесноватым, так и жителям той страны, избавив их от злобы этих бесноватых.* Между тем гергесяне, избавившиеся от страшных бесноватых, вместо благодарности Спасителю за Его благодеяние, попросили *Его удалиться из их страны.*

Други! Такое недостойное *поведение* гергесинцев обличает мрачную и злую душу их, *полнейшую безчувственность.* Видно, что гергесяне не уразумели спасительного для них посещения Божия: над ними тяготел *мрак духовного помрачения.* В чем же обнаруживается оно? В непонимании духовных нужд, выходящих из круга *обыденных житейских потребностей.* В пределах гергесян *воссиял Свет великий,* явился Христос и Своим чудом *показал,* кто Он и как Его нужно *встретить.* Они сами видели исцеленного бесноватого и могли убедиться в истине, но они *не поняли всей важности* этого события. Чудо Спасителя должно было вывести гергесинских жителей из их *обыденного образа жизни,* из этой мертвой тишины, *пробудить* их от греховной беспечности, но их *духовное помрачение не желает* этого, несмотря даже на *чудеса,* оно *страшится света* и старается *закрыть глаза* от его благодатных лучей. *Жалость о понесенной потере* (стадо свиней) *закрывает* их духовные *очи* от надлежащего *уразумения* истины. Так поступают и теперь многие из христиан, которые *не хотят знать здравого учения* Евангелия, которые *излишним и безумным пристрастием к земному* питают свое духовное убожество о «едином на потребу», *не могут* сносить живого и божественного *слова Божия,* и если, против воли, бывают *тронуты* им, то стараются скорее *изгладить* всякий след этого *впечатления.*

Св. Ианнуарий, епископ Кампанийской области в Италии, во время гонения на христиан при Диоклетиане, был предан истязаниям за веру Христову. Его бросали в раскаленную печь, но он вышел из огня невредимым. На следующий день его вывели на съедение зверям вместе с другими христианами. Но при этом Ианнуарий и дружина его остались неприкосновенными. Звери с кротостью припали к ногам Епископа, к общему изумлению толпы народа. Предавший на мучения этих христиан правитель Кампании Тимофей не был, однако же, тронут

таким явным чудом силы Божией, в духовном своем невежестве он это чудо приписал волшебству.

И вот, как бы в наказание за свое невежество, *он* в это время *ослеп*. Но и *это не пробудило* в нем *ни светлой мысли, ни здравого чувства*. Тогда Господь, ищущий всегда только спасения грешников, благоволил подействовать на него милосердием. Он дал незлобивому муч. Ианнуарию силу исцелить ослепленного своего гонителя. Но и радость исцеления не смягчила и не умилила очерствелого сердца язычника, между тем как в это же самое время до 5000 язычников, бывших свидетелями чудес, обратились к вере в истинного Бога. И все же, чем более избыточествовала благодать Господня, тем больше злобствовал правитель и предал смерти всех просвещенных Истиною. Все исповедники, вместе с епископом Ианнуарием, были, по повелению Тимофея, отведены за город и казнены мечем (*Четьи Минеи*).

Вот други, до чего может доходить духовное помрачение человека: при виде *явных чудес*, через которые обращаются тысячи к вере, языческий правитель остается глух и слеп ко всему происходящему вокруг него.

Вы видите, други, духовное помрачение сопровождается удалением Света, просвещающего всякого человека, и глубоким мраком, темнотою. Кому не страшна эта тьма, кто не ужасается ее? Кто не будет готов бежать из нее, чтобы скорее придти в чудный, вожделенный свет Спасения? Будем понимать и верить, что только Свет Христов, Свет духовный есть величайшее благо, есть совершенство, блаженство. Будем верить и стремиться к Нему, к Свету Христову. Аминь.

1915 г., июня 14 дня.

Слово Священномученика Григория (Лебедева), Епископа Шлиссельбургского (+1937г.) в Неделю 5-ю по Пятидесятнице

Возлюбленные братья! Вникните умом и вложите в свое сердце только что выслушанное Евангелие. "И когда Он (Господь) прибыл на другой берег..." — так начинается сегодняшний рассказ (Мф. 8,28).

Человеческая жизнь — как река, и у нее два берега. Мы были с Господом на одном берегу. Господь указал нам этот правый берег жизни, берег правды жизни. Эта зеленеющая вера — сила. Вера-сила как живительный исток жизни, отдающейся Промыслу и питающейся от Божией стихии вечности.

Вам должно быть понятно пребывание на зеленеющем берегу жизни. О нем Господь говорил два прошлых воскресения в Своих возвышенных словах о Промысле и о вере-силе. Теперь Он переправился "на другой берег" и взял нас с Собой для наученья. Как только Господь прибыл на другой берег, "Его встретили два бесноватые, вышедшие из гробов" (Мф. 8,28); или, как говорит евангелист Марк, "тотчас встретил Его вышедший из гробов человек" (Мк. 5,2).

Господь показывает нам другой берег реки. Тот, оставленный, был берег жизни, а этот, видимо, берег смерти. Его обитатели живут среди гробов. Тут вся земля, не часть ее, — одно кладбище. Потому евангелист и говорит: "И когда вышел Он из лодки, тотчас встретил Его вышедший из гробов человек". "Тотчас" — как будто здесь живут одни гробные обитатели, а других и не встретишь. Очевидно, это — сплошная земля смерти.

Ее обитатели, как оказалось, были рабы смерти, рабы зла: они были бесноватыми; хозяином и распорядителем их жизни был бес, было зло. Значит, другой берег жизни — это царство зла, а его насельники — люди, продавшие себя в рабство злу или греху. Грех и зло — это же одно и то же. Сегодня Господь показывает нам это царство.

Очевидно, Христос непосредственным сопоставлением обоих берегов жизни, сопоставлением царства Бога и царства зла хотел запечатлеть в наших душах образы обоих царств, чтобы побудить нас, непробудных, оставаться всегда на зеленеющем берегу жизни.

Чтобы склонить нас навсегда остаться на зеленеющем берегу жизни, Господь показывает нам ужасающую и отталкивающую картину зла. Он изображает царство смерти в ярком образе его обитателя-бесноватого. Это царство отсутствия жизни. Бесноватый — человек зла, живет среди мертвецов:

он вышел из пещеры с гробами покойников. Он живет среди скалистых гор, "в горах и гробах, кричал он", как пишет о нем евангелист Марк (Мк. 5,5).

Мир смерти... Какая жизнь на скалистых вершинах? Ни деревца, ни травки, ни цветочка! Туда не ступает нога зверя, и порханье птиц не смягчает картину безжизненности. Безлюдие пустыни... Тишина могил... Угрюмые мертвости... Царство смерти!

Это царство смерти на кручах гор олицетворяет вздыбленную человеческую самость, которая, как гора, заслоняет небо. Сам человек — единственный хозяин своей жизни, и сам пробивает свой путь. Он сам громоздит свою жизнь; вавилонской башней самости он хочет опереться на землю, подмять ее под себя и подчинить себе самое небо. Кручи гор — это вздыбленная человеческая самость. А вокруг голые скалы всеразрушающего кругом себя себялюбия, утесы эгоистической замкнутости, ложбины греха, ущелья одной лжи и неправды, пропасти смертных падений.

Таков берег зла — земля безжизненности, уничтожения, где человек теряет человеческое и в эгоистически-животном цеплянии за жизнь обращается в животное, борющееся за себя и уничтожающее соперника. Господь в таком виде и показывает людей другого берега, людей зла. Они вышли "весьма свирепые, так что никто не смел проходить тем путем" (Мф. 8,28).

Разве не правда, что жизнь вне Бога есть беспощадная борьба эгоизма? На безжизненной дороге зла — одно разрушение: гибнет сам человек, разрушается все человеческое. Евангелист Марк обозначает это разрушение жизни: "И никто не мог его (гадаринского бесноватого) связать даже цепями; потому что многократно был он скован оковами и цепями, но разрывал цепи и разбивал оковы" (Мк. 5,3-4).

Человек-себялюбец не выносит ничего, что противно его пути. Отбрасывает и уничтожает все, что не подходит к миру зла. Все, чуждое этому миру, вызывает в нем бешеную ненависть, и человек, как одержимый, рвет все связи жизни добра. Он разбивает законы чести, совести, долга. Он рвет семейные связи, уничтожает общественные связи и, наконец, добравшись до Бога, рвет Его святые веления, твердые, как оковы, веления Божиего закона. Таков разрушительный путь зла. Но, быть может, на нем хорошо человеку, предавшемуся злу? Ничуть. Об этом свидетельствует тот же евангелист Марк: "Всегда, ночью и днем, в горах и гробах, кричал он и бился о камни" (Мк. 5,5).

Постоянная тревога за прочность своих эгоистических построек, постоянное недовольство достигнутым и имеющимся, постоянная погоня за неуловимым, "нужным" для жизни. Бесконечный круг неудовлетворенности, ненаполненности жизни и какая-то неистребимая пустота кругом при всех

усилиях загрузить жизнь непрерывной возней. И, конечно, крик пустоты, крик без усталости, днем и ночью, как печать отверженности и свидетельство безрадостности и отсутствия покоя.

Братия! Поразмыслите, сколь ярки эти короткие евангельские слова, обрисовывающие жизнь зла, жизнь другого берега. По Евангелию, это жизнь разрушения, истребления самого человека, бесконечная борьба эгоизмов, разрушение законных связей человеческого общества и жизнь гнетущей пустоты при всей неугомонной хлопотливости что-то создать и чем-то отгородиться в жизни.

Если эта яркая характеристика недостаточно волнует вас, или вы, приведенные Богом на другой берег реки жизни, не разобрались в смысле этого Божия дела и не разобрались в значимости открывшегося на этом берегу, и если вас недостаточно волнует его мрачная картина, то я придвину ее поближе.

Как вам думается, далеко ли от вас лежит царство зла? Как вам думается, на каком неведомом материке стелется ужасающая тропа разложения и смерти? Ваш глаз покоен? Ему не видны скалы мертвости? Ваше ухо не беспокоят животные крики борьбы, и оно не слышит стонов людей, бьющихся об острые камни? О, вы были бы счастливы, если бы все это было далеко, далеко от вас!

Братия! А ведь оно близко, совсем, совсем рядом. Не каждый ли миг мы, как слепые, безотчетно ступаем на берег зла? Всякий грех, как бы он ни считался нами ничтожным, перебрасывает нас в землю зла, потому что грех и есть зло, и с каждым грехом мы становимся подданными царства зла. Даже малым грехом мы ставим себя под удар гибели и смерти.

Если вы вспомните, что в нас силен элемент разложения ("семя тли") и что грех, как злокачественная опухоль, имеет тенденцию быстрого ускорения и распространения, а с другой стороны, если вы не забудете, что в царстве зла, хотя бы при малейшем сопротивлении ему, на вас навалится десятками своих агентов повелитель этого царства, чтобы вы отравились его ядовитыми туманами и заблудились, окутанные их пеленою, то вы поймете, что не напрасно предупреждает апостол: "Смотрите, как вы опасно ходите".

Вы поймете, что мир зла — рядом с вами, что вам ежеминутно грозит опасность стать данником этого мира, а потом и пленником его. Вы поймете, что царство зла со всеми его безжизненными тропами гибели, гниения, со всеми его пропастями падений, со своим леденящим дыханием смерти — бок о бок с вами, и что вы ходите на острие ножа, можете при своей духовной неустойчивости каждый миг свалиться в его объятия.

Вы тогда ощутите, что вы сами кружитесь у могилы жизни, что мертвые скалы и угрюмые камни в конце концов стеснят и задавят и вашу жизнь. Тогда вы

ощутите, что такое "одержимость", когда почва ускользает из-под человеческих ног и люди влекутся чьей-то чужой и злой волей как ее орудия и жалкие рабы. Тогда вы почувствуете, что "одержимость" (бесноватость) вовсе не такое редкое явление жизни. И тогда-то стоны пленников зла откроют ваши нечуткие уши, и кошмарные вздохи зла не дадут вам самим покоя ни днем, ни ночью. Над ними повиснет давящее злорадство властителя зла о том, что на его берегу смерти завязла еще одна человеческая душа. Так что берег смерти совсем не далек и никак невозможно равнодушно пройти мимо него.

Поймите же, что Господь повел вас на другую сторону реки жизни затем, чтобы вы увидели истинное лицо того пути, около которого постоянно вы вьетесь, как будто и не замечая его смертельной опасности. Господь хочет, чтобы вы, увидавши истинное лицо пути смерти и ощутивши близость его смертельного дыхания, с содроганием оттолкнулись от мертвящих камней, бросились бы ухватиться за Божию руку, чтобы она вновь поставила вас и укрепила на зеленеющем берегу жизни.

И Господь в сегодняшнем Евангелии внушает, что Он силен утвердить человека на правом пути жизни, потому что, как ни страшно зло, Господь остается единственным Властителем и Распорядителем жизни. Эта мысль о Господе как Распорядителе жизни открывается из одной подробности рассказа о бесноватом, который, "увидев же Иисуса издалека, прибежал и поклонился Ему" (Мк. 5,6). Здесь очевидное признание, что сила зла подчинена Богу. Она видит Его, признает за верховного Властелина жизни и трепещет, повергаясь пред Ним поклоном.

Евангелист Матфей выражает ту же мысль о подчинении зла Христу, когда приводит слова бесноватых, обращенные к Господу: "И вот, они закричали: что Тебе до нас, Иисус, Сын Божий? пришел Ты сюда прежде времени мучить нас" (Мф. 8,29). И тут исповедание Христа Божьим Сыном и признание, что Он властен потребовать от агентов зла отчета и подвергнуть их мучению, как расплате за зло. Сила Бога очевидна: Христос дает приказание злу оставить его пленников и совершает исцеление бесноватых (Мф. 8,31-33).

Таков сегодняшний евангельский рассказ. Снова и снова подивитесь, как глубоко и проникновенно Божие слово! Два берега реки жизни... Берег Бога и берег зла...

Братия, вы видели эти скалистые утесы мертвящего пути зла. Пусть не напрасно они показаны вам. Содрогнитесь пленяющего и истребляющего зла. Содрогнитесь "одержимости", когда человек раб и влечется чужою волей. Содрогнитесь! Земля зла рядом с вами!

Остерегитесь! Не ходите слепыми, не ходите равнодушными, не ходите наивными. Земля зла покрыта пленяющими сетями, и на ней никому нет пощады. Пожалейте себя, поберегите себя! Не только не перебросьтесь с берега жизни на берег смерти, но даже не оступитесь на него.

Братия, даже не оступитесь! Земля зла покрыта сетями. А если по слабости своих сил, по искустельному влиянию зла, вы оступитесь, то берегитесь задержаться на берегу смерти. Ищите Божией поддержки! Хватайтесь за руку Бога, хватайтесь за любящую промыслительную руку! Отдайтесь ей всей верою-силой, и она вырвет вас с леденящей тропы смерти и опять поставит на цветущем берегу жизни.

Не отпускайте этой крепкой всеильной руки! И, если Господь по Своему предведению и по вашей слабости не укажет вам навсегда остаться при Нем, как Он не позволил остаться с Ним исцеленному бесноватому (Мк. 5,18-19), то вы, пребывая в миру, в своей земной обстановке, никогда все-таки не забывайте повеления, указанного Господом тому же исцеленному. Храните в душах, чтобы вновь не соскользнуть на берег зла, безграничную преданность Христу за то, "что Он сотворил с вами и как помиловал вас".

Возненавидьте самый предлог к новым падениям! Возненавидьте, и полюбите душою всегда милующего и всегда спасающего вас Христа! Аминь.

Поученіе Священника М. Зеленева въ неделю 5-ю по Пятидесятнице

Въ нынешнемъ Евангеліи, какъ вы, братіе, слышали, рассказано следующее событіе: однажды Іисусъ Христосъ приплылъ на лодке въ страну Гергесинскую, — и лишь только вышелъ на берегъ, какъ встретили Его два бесноватыхъ съ ужаснымъ крикомъ. Бесы, познавъ въ Іисусе Христе Всемогущаго Сына Божія, взмолились, чтобы Іисусъ Христосъ, если изгонитъ ихъ изъ людей, не посылалъ бы ихъ въ преисподнюю, а позволилъ бы войти въ стадо свиней, которыя паслись на берегу. Іисусъ Христосъ, исцеляя бесноватыхъ, далъ бесамъ просимое позволеніе. Бесы, которыхъ было множество, устремились въ свиней, свиньи бросились въ море и все стадо потонуло. Хозяева потонувшаго стада, узнавъ отъ пастуховъ объ этомъ происшествіи и исцеленіи бесноватыхъ, вышли къ Іисусу Христу, едва не целымъ городомъ, съ просьбою, чтобы онъ ушелъ отъ нихъ, — Іисусъ Христосъ тотчасъ отъ нихъ удалился, какъ отвергнутый ими. (Мф. 28-34).

Разсказанное сейчасъ событіе достойно глубокаго вниманія. Представьте, — прибылъ въ страну Гергесинскую Самъ Спаситель — общій Другъ и Благодетель человечества, — и едва только вступилъ на берегъ, какъ оказалъ уже любовь и милость — исцелилъ двухъ бесноватыхъ. Въ виду такого чуда и милости, можно бы думать, что жители встретятъ Его съ радостію и любовью и будутъ просить Его пожить у нихъ возможно — дольше; а они, вместо любви и привета просятъ Его — о чемъ? — скорее уйдти отъ нихъ!?... Почему бы это? Имъ жаль было своихъ свиней... Что было имъ за дело до нуждъ и несчастій другаго? Что было имъ выгоды отъ того, что Іисусъ Христосъ исцелилъ страдальцевъ — бесноватыхъ? Пусть бы эти отверженцы отъ общества человеческого страдали теломъ и душою во всю свою жизнь, только бы целы были ихъ свиньи, — предметъ ихъ наживы; они опасались, какъ бы Іисусъ Христосъ не сделалъ имъ еще какого убытка для пользы другихъ, почему и просили Его скорее уйдти отъ нихъ...

Не хорошіе, конечно, были эти люди, что жили только для себя и ради своихъ выгодъ отвергли отъ себя Самого Спасителя; но лучше ли и мы? Не живемъ ли и мы только для прибитковъ, забывая Бога, свою душу, и беды и нужды ближняго? Прислушаемся къ разговорамъ, присмотримся къ жизни, — везде на первомъ месте речъ и забота о пріобретеніяхъ, о наживе; недаромъ погоню за богатствомъ называютъ повальною болезнью нынешняго времени. И не беда бы еще, если бы эти пріобретенія составлялись честнымъ трудомъ, — трудъ и честныя пріобретенія благословлены Самимъ Богомъ; беда въ томъ, что

стремятся къ наживе не столько правдою, сколько всяческими неправдами. Зачемъ бы кто съ разсвѣтомъ праздничнаго дня вместо храма Божія пошелъ на работы, если бы не страсть къ наживе? Зачемъ бы кто обмерялъ или обвесилъ, побожился напрасно, завелъ тяжбу съ соседомъ, подкупилъ судей, если бы не корысть? Зачемъ бы воръ протянулъ руку въ чужой карманъ или пробрался въ чужую клетъ, если бы не корыстолюбивое сердце не говорило ему: возьми, — ты еще не достаточно богатъ... И что говорю я? — Изъ за корысти даже убиваютъ людей, оставляютъ православную веру, переходятъ къ секты, и расколы и заведомо продаютъ и губятъ свою душу; у васъ же есть пословица «пусти душу въ адъ, — будешь богатъ». Но придетъ время, тогда какой выкупъ дастъ человекъ за душу свою? (Мф. 16, 26). Хотя бы ты владель и целымъ міромъ, говоритъ св. І. Златоустъ, хотя бы ты былъ царемъ вселенной, но и за всю вселенную не выкупишь души (погибшей). (Бес. на Мф.). Да, мы охотники до наживы, — въ томъ, кажется, у насъ и цель жизни; но любимъ ли мы быть полезными для другихъ, — делиться своими пожитками, въ потребныхъ случаяхъ, съ другими, — бедными, несчастными вдовами, сиротами и проч.? Въ томъ то, брате, и вина наша предъ Богомъ, что намъ никакъ не хочется помириться мыслью съ темъ, за чемъ это жить, трудиться и приобретать для другихъ? Виноватъ ли я, разсуждаемъ мы, что этотъ человекъ беденъ, этотъ боленъ, этотъ потерпелъ отъ воровъ или огня? Я приобреталъ для себя, а не для другихъ... Такія дела делаются не по вине какой-либо, а по общему христіанскому братству, по любви и милосердію христіанскому. И Спаситель нашъ не былъ виновенъ — и однако принесъ за насъ въ жертву самую свою жизнь, самого себя — почему? — по одной любви и милосердію къ намъ. Да и все твое добро, хотя бы и честнымъ трудомъ приобетенное, — действительно ли твое? Если бы Богъ не далъ тебе силъ, здоровья и ума — могъ ли бы ты трудиться и приобретать? Если бы Богъ не сохранилъ тебе твоихъ лошадокъ, — какъ могъ бы ты обработать свои поля? Если бы Богъ не уродилъ тебе хлеба, — не собралъ ли бы ты своихъ полей одне только сорныя травы? И такъ, все твои пожитки — не твои собственно, а Божіи: называй же ихъ не своими, а отцовскими, — даромъ Отца Небеснаго. Но у Отца Небеснаго — ты не единственный сынъ; есть у него множество и другихъ детей — кровныхъ братьевъ твоихъ: это — все люди, богатые или бедные, умные или глупые, счастливые или несчастные. Не думай же, что богатство дается тебе отъ Отца Небеснаго для тебя одного, — оно дается тебе вместе съ твоими братьями — общими детьми Его: не удерживай же ихъ части у себя, когда они видимо нуждаются въ ней; какъ и въ семейномъ вашемъ быту отецъ доверяетъ хозяйство одному изъ сыновей вовсе не для того, чтобы онъ одинъ властвовалъ, но чтобы и другіе братья и сестры его были довольны, — одеты, обуты и сыты; иначе безчестнаго сына и отъ хозяйства прочь... Такъ бываетъ, брате, и у Бога: какою

мерю мерите, говорит Спаситель, такую и вамъ будутъ мерить. (Мф. 7, 2). Не отдашь ты другому часть изъ добра, даннаго тебе въ распоряженіе Отцемъ Небеснымъ, отнимается оно и у тебя — и тогда не воротить уже тебе того добра, которымъ ты не хотелъ по воле Божіей и правде распорядиться. Аминь.

1878г.